

УДК 811.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-201-210

Языковые средства выражения иронии как эстетической категории комического в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина

Э. А. Султанова^{1,2}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

²Большеатнинская СОШ Атинского муниципального района, Республика Татарстан, Россия

✉ ilka9@mail.ru

Аннотация. Ирония, выступая в качестве неоднородного явления в языке, привлекала к себе внимание многих исследователей и философов со времен Античности. В ходе исследования выделены ее основные признаки и установлено, что ирония является художественной формой оценочного изображения действительности, отличительной чертой которой выступает скрытая насмешка, противопоставленная буквальному смыслу сказанного. Указанная особенность иронии является важным инструментом раскрытия многих социальных и философских проблем в произведениях писателей и поэтов всех времен, что объясняет ее неотъемлемую роль в развитии художественной литературы. Одним из самых ярких представителей сатирико-иронического направления в русской литературе XIX века является М. Е. Салтыков-Щедрин. Данная статья посвящена анализу и систематизации лексических и синтаксических средств создания иронии в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина через изучение раннего и позднего творчества писателя и направлена на выявление его отношения к социальной ситуации России того времени. С использованием метода филологического анализа текста и метода сравнения осуществляется подробное описание каждого выявленного средства выражения иронической модальности в сатирических сказках писателя, а также в его романе «История одного города». Выявляются особенности проявления иронии у писателя в форме язвительной и резкой насмешки, что указывает на демократичность идей писателя и его ненависть к самодержавию. Настоящая работа носит важный лингвистический и общекультурный характер. Результаты и материалы исследования могут быть использованы в лингвографической практике, в процессе преподавания курсов по лингвострановедению, по русскому языку как иностранному (неродному) в российских и зарубежных вузах.

Ключевые слова: ирония, ситуативная ирония, художественная литература, М. Е. Салтыков-Щедрин, «История одного города», сатирические сказки, идиостиль писателя, лингвистические средства выражения иронии, уровни языка, тропы, синтаксические конструкции.

Для цитирования: Султанова Э. А. Языковые средства выражения иронии как эстетической категории комического в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 201–210. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-201-210

Linguistic means of expressing irony as an aesthetic category of the comic in the idiostyle of M.E. Saltykov-Shchedrin

E. A. Sultanova^{1,2}

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

²Bolsheatninskaya general secondary school of the Atninsky municipal district, the Republic of Tatarstan, Russia

✉ ilka9@mail.ru

Abstract. Irony, acting as a heterogeneous phenomenon in language, has attracted the attention of many researchers and philosophers since Antiquity. In the course of this study we identified its main features and

© Султанова Э. А., 2024

established that irony is an artistic form of evaluative depiction of reality, the distinctive feature of which is a hidden ridicule opposed to the literal meaning of what is said. This feature of irony is an important tool for revealing many social and philosophical problems in the works of writers and poets of all times, which explains its integral role in the development of fiction literature. M. E. Saltykov-Shchedrin is one of the most prominent representatives of the satirical-ironic direction in Russian literature of the XIX century. This article is devoted to the analysis and systematisation of lexical and syntactic means of creating irony in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin through the study of the writer's early and late works and the identification of his ideological position towards the social situation of Russia at that time. On the basis of the method of philological analysis of the text and the method of comparison there is a detailed description of each identified means of expression of ironic modality in the writer's satirical tales, as well as in his novel "The History of One City". The example of his works shows irony in the form of sarcastic and sharp mockery, which indicates the democratic nature of the writer's ideas and his hatred of autocracy. This work has an important linguistic and general cultural nature. The results and materials of the research can be used in linguographic practice, in the process of teaching courses on linguistic and cultural studies, Russian as a foreign (non-native) language in Russian and foreign universities.

Keywords: irony, situational irony, fiction literature, M. E. Saltykov-Shchedrin, "The Story of One City", satirical tales, writer's idiosyncrasy, linguistic means of irony expression, language levels, tropes, syntactic constructions.

For citation: Sultanova E. A. Linguistic means of expressing irony as an aesthetic category of the comic in the idiosyncrasy of M.E. Saltykov-Shchedrin. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 201–210. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-201-210

Введение

Ирония, как и другие виды комического, является художественной формой оценочного и критического изображения действительности, характерной особенностью которого является скрытая насмешка либо порицание под маской серьезности. Ирония широко используется в художественной литературе, так как играет неотъемлемую роль в раскрытии разного рода проблем и тем, которые остаются вечными для писателей и поэтов разных эпох. Таким образом, ирония в художественной литературе – хороший инструмент критики и авторской оценки, благодаря которому автор может указать на изменение мировоззрения самих читателей, расширение их кругозора.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин является одним из главных представителей отечественной литературы XIX века. Произведения писателя широко известны не только в России, но и за рубежом, ведь описанные им пороки общества не теряют своей актуальности и по сей день. В интересах нашего исследования обратим внимание на тот факт, что индивидуальность и самобытность комической составляющей творчества Салтыкова-Щедрина связаны не столько с композицией его произведений, сколько с искусностью языкового исполнения. Данная особенность стиля является причиной такой известности писателя и среди исследователей, которые фокусируются больше на самом тексте и его структурных элементах.

Вследствие этого актуальность нашей исследовательской работы строится на противоречии, когда, с одной стороны, творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина является достаточно изученным явлением в литературоведении, однако, с другой стороны, в нем все еще не выделены основные языковые особенности идиостиля писателя, характерной чертой которой является наличие в ней иронической модальности.

Учитывая тот факт, что творчество писателя-сатирика рассматривается исследователями со стороны комплексного лингвистического анализа художественного стиля писателя, отметим, что новизна нашей работы заключается в отборе и систематизации отдельных лексических и синтаксических средств выражения иронии в его творчестве. Вследствие этого целью нашего исследования стало определение

роли лексических и синтаксических средств выражения иронии в идиостиле писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Для достижения поставленной цели нами будет прокомментирована языковая картина мира писателя и роль его политической идеологии в творчестве, проанализированы иронически-маркированные единицы языка и рассмотрена выявленная система с точки зрения эмоционально-оценочной сферы писателя.

Ирония в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин известен тем, что в его сатирических произведениях проявляются наиболее выразительные отличительные черты общества XIX века.

В своем труде, посвященном творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, советский литературовед А. С. Бушмин отмечал, что «М. Е. Салтыков-Щедрин является непревзойденным художником слова в области социально-политической сатиры». В своих произведениях писатель-сатирик выступает против угнетения человека людьми более высокого ранга и сословия, показывает себя защитником народа и противником буржуазии, в целом провозглашает себя просветителем идеологии демократии [1].

Поэтический язык М. Е. Салтыкова-Щедрина является прямой демонстрацией его чувства приверженности к русскому народу. Его манера повествования, в котором отражаются отличительные черты национальной культуры, его единение, становятся особенностью творчества писателя, а именно уникальным стилем искусства комического в русской литературе.

Т. В. Маркелова и М. В. Петрушина, опираясь на принципы аксиологического подхода, оценивают смех в произведениях Салтыкова-Щедрина как смех с наибольшей категоричностью [2]. Данный аспект в творчестве писателя позволяет нам утверждать, что в его произведениях особое распространение получают смех, выражающий неодобрение, негодование или издевку, а ироническая оценка в форме незлобивой насмешки встречается крайне редко.

Принимая во внимание все вышесказанное, отметим, что творчество писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина пронизано нотками традиционной и народной литературы и, выступая достоянием русской литературы, оно также является одним из источников дальнейшего развития русской сатиры. Воздвигая быт простого народа в ранг искусства, Салтыков-Щедрин выражает свою любовь к народу, связывает судьбы друг друга. На этом строится и политическая идеология самого писателя, заключающаяся в борьбе с самодержавием через отстаивание демократических ценностей всего общества.

Способы выражения иронии и их систематизация

Проанализировав труды многих исследователей, лингвистов и литературоведов, мы пришли к выводу о том, что функционирование иронии в речи может достигаться двумя путями – через использование контекстуальной или концептуальной иронии. Контекстуальная ирония представляет собой «явный, эмоционально окрашенный тип иронии», когда смысл сказанного незамедлительно идет в противоречие с ситуативным контекстом, что позволяет автору комментировать происходящее, выражая явную оценку ситуации. Вследствие этого можем утверждать, что контекстуальная ирония в тексте создает яркие и важные детали, которые подвергаются моментальному анализу со стороны воспринимающего текст.

Однако более важная роль в системе художественного текста принадлежит концептуальной иронии, благодаря которой раскрытие основных интенций автора происходит постепенно. Декодирование получаемой информации в данном случае допустимо лишь в более широких контекстах, когда ирония вплетается в сам ход повествования и участвует в создании цельного законченного образа всего произведения. Вследствие этого данный тип иронии участвует в описании персонажей со стороны мировоззрения самого автора, а не рассказчика [3]. Обращаясь к сатирическим сказкам Щедрина, отметим, что использование автором приемов эзоповой манеры повествования является ярким примером создания ассоциативной иронии в тексте.

Стоит заметить, что настоящая исследовательская работа ставит целью выявление языковых средств создания иронии в тексте, поэтому нас больше интересует ситуативный тип иронии, реализация которой в большей степени достигается посредством использования средств лексического и синтаксического уровней языка.

Лексические средства реализации иронии

Богатство языка писателя прежде всего определяется через его умение оперировать лексическими средствами языка, ведь именно данный уровень языка обладает всевозможными оттенками, которые наряду с необходимой информацией помогают передавать эмоции и внутренние переживания персонажей и самих авторов. В данном случае более подробно рассмотрим основные средства выразительности, играющие важную роль в передаче иронической модальности в тексте, что обусловлено природой данного явления в языке – возможностью обогащения новыми оттенками смысла.

Антифразис является самым важным средством создания иронии в нашем исследовании, так как сущность данного приема строится на прямом выражении иронической модальности, то есть слово само употребляется в значении, противоположном обычному [4]. Благодаря данному приему происходит распознавание иронической двусмысленности сказанного:

<...> были регулированы все подробности будущего устройства этой *злосчастной муниципии* <...> («История одного города»).

Но даже и эти *скромные походы* не всегда сопровождалась для них удачей <...> («История одного города»).

Для языка художественных произведений свойственны различные семантические процессы изменений значения слов [5]. Следующим классическим способом выражения иронии в творчестве Щедрина является метафора. Многие исследователи утверждают, что по своему существу она, как и ирония, семантически двойственна, ведь буквальное значение метафоры во взаимодействии с главным словом на самом деле является ложным, лишь переносное значение будет иметь предполагаемый смысл [6]. Данное замечание позволяет нам утверждать о возможности интеграции иронического значения в смысл отдельной метафоры в зависимости от интенций автора высказывания. Описанная ситуация прослеживается в случаях употребления следующих метафор из «Истории одного города»: между тем *измена не дремала; измена свила себе гнездо* в Глупове. Для обозначения политической измены автор создает два разных метафорических отождествления, что является хорошей иронической насмешкой над новыми политическими разногласиями, разворачивающимися в городе Глупове. В другом же примере: *загорелось сердце его стыдом великим*, и стоял он перед глуповцами и точил слезы, – метафора с оттенками гиперболизации демонстрирует презрительное отношение к персонажу. Его неискренность и лукавство подтверждаются следующей ремаркой: «все те его слезы были крокодиловы».

Наряду с метафорами в произведениях Салтыкова-Щедрина встречаются и эпитеты. Интересны в данном случае примеры использования сложных эпитетов, композитных единиц, которые определяют предмет или явление с ее концептуальной, эмоционально-оценочной стороны. Как и другие средства выразительности, эпитет всегда в рамках контекста вступает во взаимодействие с другими экспрессивными средствами языка [7]. В настоящей работе нас интересует связь сложных эпитетов с иронией, когда рассказчик, давая положительную характеристику объекту эпитетации, в рамках контекста в действительности подразумевает оценку, обратную явному:

Глупов, *беспечный, добродушно-веселый* Глупов, приуныл. <...> умолкло шелканье подсолнухов, нет игры в бабки! («История одного города»).

<...> лицо у него словно не баранье делается, а серьезное, строгое, как у старого, *благomyсленного мужичка* из тех, что в старинные годы «министрами» называли («Баран-непомнящий»).

Также наиболее частым явлением в произведениях Салтыкова-Щедрина для достижения иронической модальности в тексте выступает использование *сравнений*, чаще в форме сравнительных оборотов.

Говорил пространно, рассыпчато и вразумительно, *словно бисер перед свиньями метал* <...> («Соседи»).

<...> бригадиру следовало бы на сей раз посовеститься; *но его словно бес обуял. Как ужасленный бежал он по городу и кричал криком* («История одного города»).

Реализация иронии в тексте также возможна через такой прием, как антитеза:

Словом сказать, *и смешно, и обидно*. Тычется майор то в одну, то в другую сторону, хочет насмешников переловить, и все мимо. *И что больше старается, то у него глупее выходит* («Медведь на воеводстве»).

Сострадание с симпатией к персонажу у рассказчика в данном отрывке является ложным. В действительности улавливаются откровенная насмешка и издевка со стороны автора, который выступал против жестоких и глупых людей на руководящих позициях. Такие же интенции автора прослеживаются и в «Истории одного города»: в Риме сияло нечестие, а у нас – благочестие, Рим заражало буйство, а нас – кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас – начальники.

Мотив приверженности народу Салтыков-Щедрин в своих произведениях прежде всего выражал через использование *поговорок и пословиц*. Сам автор не раз отмечал, что они везде сами «прилаживаются» [8]. Таким образом, вековая народная мудрость переплеталась с иронической модальностью самого автора, что можно наблюдать в следующих примерах, где подчеркиваются ложные ценности героев, их безрассудство и безжалостность:

<...> а я (Топтыгин 1-й) чижей глотать вздумал! Ну, да ничего! *Первый блин всегда комом!* («Медведь на воеводстве»).

<...> надо науки и искусства в дворянх заводить, потому что при них и орлам занятнее живется <...>. *Ученье – свет, а неученье – тьма*. Спать-то да жрать всякий умеет, а вот поди разреши задачу («Орел-меценат»).

Продолжая тему фольклорных мотивов, заметим, что произведения более высокого жанра Салтыкова-Щедрина также отмечаются в данном ключе своим своеобразием. Например, в «Истории одного города» интересным образом в ход повествования включаются традиционные обороты речи из сказок, приобретая при этом ироническую интонацию и выступая в качестве остроумного подшучивания над государственным устройством страны: слава о его (градоначальника) путешествиях росла *не по дням, а по часам*; канцелярии кипели уставами, как никогда *не кипели сказочные реки млеком и медом*.

Экспрессивность речи и комичность разворачиваемых событий и героев в художественных произведениях равным образом достигаются и посредством использования фразеологических оборотов:

Никто лучше его не умел *на бабах развести и чудеса в решете* показать («Соседи»).

<...> сев в кибитку, благополучно проследовал в тот край, куда *Макар телят не гонял* («История одного города»).

<...> а денег развелось такое множество, *что даже куры не клевали их...* Потому что это были ассигнации («История одного города»).

В последнем примере можно также проследить, как фразеологизмы иногда в результате своей буквализации посредством парцелляции могут придавать большую экспрессивность речи, выступая при этом в роли эффекта обманутого ожидания.

Профессиональная деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина в сфере публицистики привнесла особый вклад в манеру повествования писателя. В произведениях писателя-сатирика нами была выявлена лексика отвлеченно-книжная, которая больше характерна для текстов публицистического и официально-делового стилей. К примеру, в «Истории одного города» летописец в своей речи использует следующие слова: *гривуазность, агитатор, силлогизм, административный прецедент, фаланстер, доктринер*,

мартиролог. В данном случае использование общественно-политической и публицистической лексики неуместно и никак не мотивировано, что показывает ироническое и сатирическое отношение самого автора к объектам осмеяния.

Ироническая модальность в тексте также может быть подчеркнута посредством неоднократного и чрезмерного использования одного и того же слова или выражения внутри одного предложения или абзаца [10]. Посредством лексических повторов автор акцентирует внимание читателей на одной лексеме, как правило, имеющей положительную коннотацию, делая повествование более динамичным, но неестественным, что подталкивает читателя на выявление истинных интенций автора по отношению к описываемой ситуации:

В голове его мелькал какой-то рай, в котором живут *добродетельные* люди, делают *добродетельные* дела и достигают *добродетельных* результатов («История одного города»).

Отметим также случай дистантного расположения повторяющихся лексем. Так, например, в «Диком помещике» словоформа *глупый* встречается 16 раз. В начале произведения данная характеристика герою дается самим рассказчиком, что вначале может восприниматься как шутка или незлобивая насмешка: И был тот помещик *глупый*, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое. Но с ходом повествования глупость персонажа подтверждается и остальными героями сказки: Видят мужики: хоть и *глупый* у них помещик, а разум ему дан большой. Так иронично подшучивают над своим хозяином крестьяне. Трижды, как в устном народном творчестве, провозглашают его глупым и представители других сословий. Следовательно, с развитием сюжета все больше вырисовывается настоящий облик героя, дикого, безжалостного и недалекого помещика, где смех автора уже не выступает в качестве легкой насмешки, а становится все более язвительной и обличительной.

Таким образом, рассмотренные лексические средства обеспечивают движение всего сюжетного повествования в произведении, так как они являются неотъемлемой частью описания характера и образа жизни главных героев Салтыкова-Щедрина.

Синтаксические средства выражения иронии

Контекстуальная ирония, как было отмечено выше, также может выражаться синтаксическими конструкциями. Продолжая тему повторов, заметим, что ироническая модальность в тексте часто передается и через синтаксические повторы. По Е. В. Булатой, существуют два вида повторов: повторы локального и дистантного характера. Последний вид повторов играет существенную роль в формировании содержательной основы произведения в целом [11]. Локальные повторы синтаксических конструкций больше участвуют в гиперболизации описываемой ситуации, при этом представляя ее комичной и несерьезной:

Неслыханная деятельность вдруг закипела во всех концах города; частные пристава *поскакали*; квартальные *поскакали*; заседатели *поскакали* («История одного города»).

И прожил премудрый пискарь таким родом с лишком сто лет. *Все дрожал, все дрожал* («Премудрый пискарь»).

Однородные члены предложения в художественном тексте, помимо основной функции перечисления понятий и явлений, могут выступать ярким средством выразительности. Например, ряд однородных сказуемых встречается в произведении Щедрина «История одного города»: (горожане) *поздравляли друг друга с радостью, целовались, проливали слезы, заходили в кабаки, снова выходили из них, и опять заходили*. Благодаря данной синтаксической конструкции в данном примере можно заметить, что явная радость и счастье народа не поддерживаются самим автором. Он предупреждает читателей о том, что ожидания героев в действительности несбыточны, и поэтому, перечисляя их действия, он с иронией и укоризной смотрит на сам народ, осуждая их чрезмерное раболепие и доверчивость.

В том же произведении примечателен случай взаимодействия однородных членов предложения с лексическими повторами, когда последний основан на повторе с синонимической связью: Неслыханная деятельность вдруг закипела во всех концах города <...> *Хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают...* Связь двух языковых средств выражения иронии помогает акцентировать внимание читателей на применении жестоких и насильственных действий по отношению к простому народу. Данный эпизод раскрывает авторское отношение к изображаемым образам двояко. С одной стороны, автор насмехается над тем, что руководящие чины ничего не умеют делать кроме описанных мер решения конфликтов, а с другой, имплицитной, стороны, он сочувствует горожанам, терпящим такие унижения.

В целях демонстрации под маской одобрения и восхваления свое ироническое отношение к героям Щедрина также использует перечислительный ряд с отрицательной частицей *не* и союзами *ни..., ни...*:

Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьет, табаку не курит, за красными девушками не гоняется («Премудрый пискарь»).

Проблема, волнующая писателя, также может быть изображена посредством применения градации в тексте, что усиливает в нем эмоциональную напряженность и подчеркивает жестокую реальность:

Сколько потребуется генеральных кровопролитиев учинить, чтоб экую пакость загладить! *Сколько народу ограбить, разорить, загубить!* («Медведь на воеводстве»).

Вводные слова и выражения, в большей степени являясь спонтанными конструкциями, помогают в передаче истинных эмоций и интенций автора. Данное обстоятельство подтверждает мысль о том, что в пределах текста они могут приобретать дополнительные оттенки значений, приводящие к переосмыслению всего высказывания, а иногда и к потере их первоначального значения [12]. Таким образом, через данные конструкции особенно ярко выражается ирония в произведениях:

К счастью, покушение было усмотрено вовремя, и заговор разрешился тем, что самих же заговорщиков лишили на время установленной дачи требухи («История одного города»).

Словом сказать, и смешно, и обидно. Тычется майор то в одну, то в другую сторону, хочет насмешников переловить, и все мимо («Медведь на воеводстве»).

Как и вводная конструкция, парентеза также является важным средством выражения иронии на синтаксическом уровне языка. Данная вставная конструкция, нарушая ход повествования, помогает акцентировать внимание читателей на прерванном ходе событий, а комментарий прямо отражает авторскую позицию [13]. Следовательно, парентеза создает вторичный план высказывания, которая может нести в себе авторскую модальность по отношению к объекту иронической насмешки. К примеру, иронические ремарки в произведениях Салтыкова-Щедрина встречаются в следующих примерах:

Тогда бригадир встал перед миром на колени и начал каяться (*«И было то покаяние его аспидово»*, – *опять предваряет события летописец*) («История одного города»).

Но, спустя малое время, собеседники опять где-нибудь в укромном месте сплывались (*в воде-то скучно*) и опять начинали диспутировать («Карась-идеалист»).

Другой единицей выражения экспрессии является *восклицательное предложение*. Подобные конструкции в тексте также имеют предрасположенность к ироническому переосмыслению, так как в них заложена особая выразительность и экспрессивность:

А теперь, смотрите-ка! – съел Чижика и тем себя воспрославил! ... Сколько потребуется генеральных кровопролитиев учинить, чтоб экую пакость загладить! *Сколько народу ограбить, разорить, загубить!* («Медведь на воеводстве»).

Глупов, беспечный, добродушно-веселый Глупов, приуныл. *Нет более оживленных сходок за воротами домов, умолкло щелканье подсолнухов, нет игры в бабки!* («История одного города»).

Следующим средством актуализации иронической тональности в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина является парцелляция. По Г. А. Копниной, особенность парцелляции заключается в том, что она является результатом деления единой синтаксической структуры предложения на два или более интонационно обособленных отрезка [14]. Вследствие этой особенности в тексте создается особая интригующая пауза, где скрыта авторская модальность, и при этом одновременно вызывается интерес читателя к выделенной информации [15]. Проанализировав произведения Щедрина, отметим, что выделение информации в пределах абзаца у писателя в большей степени объясняется его стремлением придать ироническую коннотацию всему предложению:

Так и остался Топтыгин 1-й майором навек. *А если б он прямо с типографий начал – быть бы ему теперь генералом* («Медведь на воеводстве»).

У самого главного выхода стоял Угрюм-Бурчеев и вперял в толпу цепенящий *взор... Но что это был за взор... О, господа! что это был за взор!..* («История одного города»).

Во многих приведенных примерах мы наблюдали, как перечисленные синтаксические конструкции в пределах текста не существуют по отдельности, а взаимодополняют друг друга, чем доказывают свою необходимость в выражении иронической модальности в тексте.

Заключение

В ходе исследовательской работы мы проанализировали произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина на предмет лингвистических, в частности лексических и синтаксических, средств выражения иронии как эстетической категории комического и выявили, что данные иронически-маркированные единицы в неразрывном взаимодействии друг с другом играли неотъемлемую роль в передаче мировоззрения и выстраивании идиостиля самого писателя-сатирика.

Предметом внимания в творчестве Салтыкова-Щедрина также является то, что иронический смех писателя в произведениях носит характер резкой и язвительной оценки происходящего. Нотки юмора в данном случае прослеживаются крайне редко. Данная особенность объясняется социально-политической идеологией самого автора – защитника демократических ценностей и противника самодержавия. Щедрин придерживался мысли, что самым главным «предназначением творца» является воспитание у масс идеалов демократического будущего, духа свободы и любви к родине.

Л и т е р а т у р а

1. Бушмин, А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры / А. С. Бушмин. – Москва : Современник, 1976. – Б-ка «Любителям российской словесности». – 253 с.
2. Маркелова, Т. В. Аксиологическая природа смеха в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина / Т. В. Маркелова, М. В. Петрушина // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. – 2015. – № 4. – 71–76 с.
3. Петрова, О. Г. Типы иронии в художественном тексте : концептуальная и контекстуальная ирония / О. Г. Петрова // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. XI. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 3. – 25–30 с.
4. Крылова, М. Н. Современный писатель Леонид Каганов : антифразис как важнейшая составляющая стиля // Концепт. – 2019. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyyi-pisatel-leonid-kaganov-antifrazis-kak-vazhnei-shaya-sostavlyayuschaya-stilya> (дата обращения: 21.07.2024). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
5. Ерофеева, И. В. Семантические преобразования слов в контекстах пушкинских произведений / И. В. Ерофеева // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – 84–89 с.
6. Алексеев, К. И. Метафора как объект исследования в философии и психологии / К. И. Алексеев // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – 73–85 с.
7. Фадеева, Т. М. Сложный эпитет-ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Фадеева Татьяна Михайловна. – Москва, 2014. – 42 с.

8. Ефимов, А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина / А. И. Ефимов. – Москва : Изд-во Московского университета, 1953. – 496 с.
9. Бельчиков, Ю. А. Русский литературный язык второй половины XIX века / Ю. А. Бельчиков. – Москва, 1974. – 192 с.
10. Яготинцева, В. Ю. Лексический повтор как компонент идиостиля Биргит Вандербеке / В. Ю. Яготинцева // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2019. – № 5(28). – 115–120 с.
11. Булатая, Е. В. Повтор как средство актуализации иронического смысла в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя и их перевода на немецкий язык) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-sredstvo-aktualizatsii-ironicheskogo-smysla-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-proizvedeniy-n-v-gogolya-i-ih-perevoda-na> (дата обращения: 09.03.2024). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
12. Рамазанова, Р. З. Вводные слова как средство выражения эмотивности / Р. З. Рамазанова // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 4–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvodnye-slova-kak-sredstvo-vyrazheniya-emotivnosti> (дата обращения: 14.03.2023). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
13. Борисова, Д. А. Парентеза как экспрессивный способ формирования прецедентных смыслов / Д. А. Борисова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 20. – Нижний Новгород : Нижегородский лингвистический университет, 2012. – 11–21 с.
14. Копнина, Г. А. Парцелляция / Г. А. Копнина ; Сибирский федеральный университет; под редакцией А. П. Сковородникова. – [2-е изд-е, перераб. и дополн.] // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – 427–428 с.
15. Галкина, Н. П. Парцелляция как инструмент воздействия в публицистике / Н. П. Галкина // Известия ВГПУ. – 2022. – № 1 (164). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partsellyatsiya-kak-instrument-vozdeystviya-v-publitsistike> (дата обращения: 21.09.2024). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

References

1. Bushmin AS. Saltykov-Shchedrin. The Art of Satire. Moscow: "Sovremennik", 1976:253 (in Russian).
2. Markelova TV, Petrushina MV. Axiological nature of laugh in M. E. Saltykov-Shchedrin's idiosyle. Vestnik MGUP, 2015:4:71-76 (in Russian).
3. Petrova OG. Types of Irony in Fiction: Conceptual and Contextual Irony. Izvestiya of Saratov University. Series: Philology. Journalism. 2011;11(3):25-30 (in Russian).
4. Krylova MN. Modern writer Leonid Kaganov: antiphrasis as the most important component of style. Concept, 2019:9:1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyi-pisatel-leonid-kaganov-antifrazis-kak-vazhnei-shaya-sostavlyayuschaya-stilya> [Accessed, 21 June 2024] (in Russian).
5. Erofeeva IV. Semantic transformations of words in the contexts of Pushkin's works. Philology and culture, 2014:4(38):84-89 (in Russian).
6. Alekseev KI. Metaphor as an object of research in philosophy and psychology. Questions of psychology, 1996:2:73-85 (in Russian).
7. Fadeeva TM. Complex epithet – core unit of fictional space in the Russian language. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: Moscow State Regional University, 2014:42 (in Russian).
8. Efimov AI. The language of satire by Saltykov-Shchedrin. Moscow: Moscow University Press, 1953:496 (in Russian).
9. Belchikov YuA. Russian literary language in the second half of the 19th century. Moscow, 1974:192 (in Russian).
10. Yagotintseva VYu. Lexical repetition as a component of individual style of Birgit Vanderbeke. Student Electronic Journal StRIG, 2019;5(28):115-120 (in Russian).
11. Bulataya EV. Repetition as a means of actualisation of ironic meaning in the literary text (on the material of N. V. Gogol's works and their translation into German). IKBFU's Vestnik. Series: Philology,

Pedagogy, Psychology. 2017;1:13-18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-sredstvo-aktualizatsii-ironicheskogo-smysla-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-proizvedeniy-n-v-gogolya-i-ih-perevoda-na> [Accessed 9 March 2024] (in Russian).

12. Ramazanova RZ. Parenthesis as a means of expressing emotiveness. *Prepodavatel XXI Century*, 2017;4-2:383-397. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvodnye-slova-kak-sredstvo-vyrazheniya-emotivnosti> [Accessed 14 March 2024] (in Russian).

13. Borisova DA. Parenthesis as an expressive way of forming precedent meanings. *LUNN Bulletin*, 2012;20:11-21 (in Russian).

14. Kopnina GA. Parcellation. In: Skovorodnikov AP. (ed.). 2nd ed. Reference dictionary book: effective speech communication (basic competences). Siberian Federal University, 2014:427-428 (in Russian).

15. Galkina NP. Parcellation as a tool of influence in publicistics. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2022;1(164). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/partsellyatsiya-kak-instrument-vozdeystviya-v-publitsistike> [Accessed 21 September 2024] (in Russian).

СУЛТАНОВА Эльвира Азатовна – магистрант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; учитель русского и английского языков МБОУ «Большеатнинская средняя общеобразовательная школа» Атинского муниципального района Республики Татарстан.

E-mail: ilka9@mail.ru

Elvira A. SULTANOVA – Master's student of the Kazan (Volga Region) Federal University, teacher of Russian and English languages of Municipal budgetary general education institution "Bolsheatninskaya secondary school" of the Atninsky municipal district, the Republic of Tatarstan.